

Человек с простым лицом

Лариса КУКУШКИНА

Персона. Подписной индекс 38678

Мы — в маленькой комнате большой коммунальной квартиры на Покровке. В доме, который построил дед. Дед Олега Басилашвили. Я сижу на старом дедовом стуле и рассматриваю фотографии на стенах. Но вдруг... Я этого не ожидала. Я даже не успела открыть рот, чтобы задать вопрос. Олег Валерьянович стал читать стихи.

— Эй, вы!

Небо!

Снимите шляпу!

Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,

положив лапу

с клещами звезд на огромное ухо.

МАЯКОВСКИЙ

Маяковского я могу поставить на поэтический уровень Пушкина. Он единственный из всех современных ему поэтов сформировал новый русский язык — от старого, дореволюционного он перешел к ритму сегодняшнего дня. Маяковский выражал время. В каждой его строчке

виден гений человека, который потрясает. Очень люблю Иосифа Бродского. Он сродни Маяковскому, поэт — мужской. И Маяковский — мужчина, и Бродский — мужчина. А взять Пастернака — у него поэзия для женщин. Я не отрицаю его гениальности, но его поэзия — песня души, честного, порядочного, одинокого человека. Я полагаю, что поэзия — это нечто такое, что существует помимо людей. Талант дан поэту, как радиоприемнику — мощная антенна. Только поэт улавливает звук и шум эпохи. Сейчас, если взять российскую литературу, то, на мой взгляд, на первом месте по развитию идет прежде всего поэзия, потом проза. Появляется много новых, талантливых имен. Но такого литературного произведения, которое сравнилось бы, например, с романом Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», — пока нет. Я уже говорю о «Войне и мире».

— Олег Валерьянович, давайте о вашей жизни поговорим.

— Давайте. Эту жизнь я не променял бы ни на что.

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

— Москву я люблю. Я родился в этом городе и застал старую Моск-

ву — дворики, переулки. Вот эта церковь напротив, храм Троицы Живоначальной, была клубом работников местной промышленности. Колокольню и купол храма большевики взорвали. Когда мама рассказывала, что в этой квартире они просыпались под звон колоколов, я не мог в это поверить. Напротив нас жила семья Альбац. Витька, мой друг, его сестра Элла, их родители. Старший Альбац электрифицировал Ярославскую железную дорогу до города Загорска. Как только он это сделал, его тут же расстреляли. Дети остались с матерью и с нянькой — Валькой. В 41-м году, когда началась война, я помню, мама его, взяв меня и Витьку за руки, часто гуляла с нами по Покровке. Как-то она вышла одна и — не вернулась. И остался Витька со своей старшей сестрой. Ему было лет семь, а ей — девять. И Валька, матерщинница и пьяница, взяла детей к себе. На свою нищенскую пенсию кормила. Материла, била, но она их выходила, русская баба — двух еврейских детей. Бывшие соседи, соседи из детства, были мои самые близкие люди.

Окончание на 8-й странице

Мир за неделю. - 1999 - 20-27 нояб. с.18